

ФРАНСУА МОРИАК, РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОММУНИЗМ

В статье анализируется отношение Франсуа Мориака к русской революции 1917 года, коммунизму, советскому опыту строительства социализма. В центре исследования находится интеллектуальная и политическая биография Мориака в период между двумя мировыми войнами. Интеллектуальный путь известного католического писателя связан вначале с его участием в «Сийон» и симпатиями к «Аксьон франсэз», но также со знакомством с русской литературой, постижением событий в России, коммунизма, участием во встречах с русской религиозной эмиграцией (например, декады в Понтины). На протяжении 1920-х и 1930-х гг. Франсуа Мориак, оставаясь убежденным католиком, пережил эволюцию от позиции жесткого консерватора, отвергавшего любое сотрудничество с коммунизмом до писателя и публициста, осудившего террор во время гражданской войны в Испании, ставшего участником Сопrotивления и выступившего за сотрудничество с СССР в деле борьбы с фашизмом. Статья основана на материалах литературного творчества Франсуа Мориака, его статьях во французских газетах, мемуарах.

Ключевые слова: Франсуа Мориак, католицизм, русская революция, коммунизм

Русская революция и подъем коммунизма в период между двумя мировыми войнами оказали глубокое влияние на французскую политическую культуру. Они усугубили внутренние политические конфликты и потрясения предшествовавших десятилетий, связанные с «делом Дрейфуса» и подъемом «Аксьон франсэз» («Action française»). Война способствовала подъему движения антивоенного протеста и пацифизма, приливу революционной волны, а русская революция стала «проблеском надежды» после военных тягот и пробудила широкий энтузиазм. В первое время русская революция казалась западным интеллектуалам неким идеалом всеобщего счастья и справедливости, который может прийти на смену дискредитировавшему себя в мировой войне буржуазному обществу. Началась долгая история сотрудничества и борьбы западных интеллектуалов с коммунизмом, растянувшаяся почти на семьдесят лет, пробуждая энтузиазм и разочарование, вступление в ряды «попутчиков» коммунизма и разрывы с коммунистической партией, осмысления советского опыта и кризис веры¹.

Реакция на революцию в России и подъем коммунизма не могли пройти незамеченными в литературных католических кругах. В межвоенный период они были представлены несколькими крупными именами: Ф. Мориак, Ж. Бернанос, П. Клодель, Л. Блуа, П. Бурже, Ж.-К. Гюисманс, Ж. Руо, Ф. Жамм и другими, олицетворявшими «католическое возрождение» в литературе и искусстве, возникшее в последней трети XIX века. Обращение к проблемам утраты веры, отступлению от «истинного» христианства, человеческой греховности, воли и свободы вы-

¹ Winock 1999: 211-212.

бора, критика буржуазной цивилизации с позиции христианства и, наконец, фактически ставший обязательным каноном образ священника, обуеваемого страстями, легли в основу т.н. «католического романа»².

Одним из представителей «католического возрождения» и самых влиятельных католических писателей XX века стал Франсуа Мориак (1885–1970). Литературная биография и творчество писателя довольно хорошо изучено в нашей стране и за рубежом, продолжая привлекать внимание исследователей³. В статье нас интересует проблема политической ангажированности Мориака в межвоенный период, его отношение к русской революции, советскому опыту, коммунизму, крупным политическим событиям, связанным с участием или присутствием СССР. В момент революции в России Ф. Мориак уже был достаточно известным в литературных и интеллектуальных кругах. В этом плане его высказывания, статьи, заметки, некоторые романы являются важным компонентом репрезентации советского мира среди французских католиков.

Комплекс литературных и публицистических произведений Мориака обширен и охватывает разные периоды его жизни и творчества. В них, безусловно, присутствует дух эпохи, в т.ч. и «советская тема». Естественно, под влиянием разных обстоятельств менялось его отношение к советской истории, ее действующим лицам, событиям. Мы сознательно ограничиваемся межвоенным периодом, поскольку именно тогда была заложена основа поведения интеллектуалов-католиков в отношении коммунизма, которая затем найдет свое развитие в период Сопротивления и десятилетия сотрудничества и борьбы после Второй мировой войны. В этом плане фигура Мориака, как и Бернаноса, Маритена, Жильсона, Клоделя, может служить моделью поведения, реакции, осмысления, интерпретации.

Начало политической ангажированности Мориака исследователи, да и он сам, относят к детским годам, когда он узнал про «дело Дрейфуса». Проживая с родителями в Бордо, он, как многие молодые католики его поколения, в юности испытал увлечение идеями «Аксьон франсэз». Затем в 1905 г. под влиянием брата Жана примкнул к местному кружку «Сийон» (основанному левым католиком М. Санье), в котором он видел стремление «демократизировать» церковь, приспособить ее к социальным требованиям современности⁴. Но после увлечения католическим модернизмом последовало разочарование и разрыв в 1907 г. Эти события совпали с отъездом Мориака из Бордо и поступлением в Эколь де Шарт. В 1910 г. «Сийон» и вовсе был запрещен по требованию Ватикана, а Мориак к тому времени забросил учебу и решил заняться литературой. В юношеском возрасте он знакомится с русской литературой, ко-

² Calvet 1931; Guissard 1969.

³ Кирнозе 1970; Наркирьер 1983; Ландор 1996; Сеай 2001; Lacouture 1980; Baggé 2009; Le Gall 2017.

⁴ В начале 1960-х гг. Мориак сравнил Санье с «вечно живым старым архангелом». – Mauriac 1965: 243.

торая производит на него неизгладимое впечатление. К 1910 г. относится его встреча с М. Барресом, который хорошо отзывался о поэтическом сборнике Ф. Мориака «Сложенные руки»⁵.

Во время Первой мировой войны Мориак служил санитаром в одном из госпиталей Красного креста и на фронте, воочию насмотревшись на ужасы войны. Отсюда его отторжение войны, воинственных заявлений и речей, патристического угара: «критическое чувство пробудилось во мне очень рано»⁶.

Первый политический опыт Ф. Мориака тех лет нашел отражение в его романе «Дитя под бременем цепей» (1913). В этом романе Мориак рассказывает о Жан-Поле Жоане, который приехал из провинции, чтобы «завоевать» Париж. Но город произвел на него гнетущее впечатление и усилил одиночество. Не найдя удовлетворения в католическом догматизме, Жан-Поль устремил свои помыслы к модернизму. Он подружился с Венсаном Иэроном, посвятившим себя делу христианской демократии и являвшимся членом организации «Любовь и вера» (отсылка к «Сийон»). Что интересно, возглавляет организацию Жером Серве, в котором угадываются черты Марка Санье. Как и его прототип, Серве видит свою задачу в том, чтобы совершить «великую революцию» в душе пролетариата. В программе и деятельности общества переплетаются религиозный и революционный идеалы. Собрания, на которых обсуждаются теологические вопросы, заканчиваются пением «Интернационала». Но в организации «Любовь и вера» к Жан-Полу относится как к «буржуа и интеллектуалу». На очередном собрании Жорж Эли, рабочий-подмастерье, с которым он пытался завязать тесную дружбу, бросает ему в лицо: «Есть вещи, которых буржуа никогда не понять». Разочарованный, Жан-Поль приходит к выводу, что в такой организации ему делать больше нечего. В конце концов он обрел душевное спокойствие в любви и вере в бога⁷. Таким образом, в конфликте Жоане и Эли мы можем видеть разрыв между надеждами рабочего класса и доктринальными рассуждениями буржуа, мало знакомого с реальным положением простых людей, на что часто указывали критики.

В момент окончания войны и русской революции Ф. Мориак оказывается на распутье. Во имя веры он отвергал социализм: «Поскольку социалисты были заклятыми врагами Церкви, у нас не было нужды искать других причин, чтобы их осуждать», – заметит он в своих интимных воспоминаниях, описывая политические взгляды провинциальных кругов Бордо. Но он не был своим и среди консервативных правых. «Меня считали правым, – пишет он. – Как журналист я получил боевое крещение в «Голуа» («Gaulois»), потом в «Эко де Пари» («L'Echo de Paris»). Однако уже в ту пору мои романы начали внушать тревогу пра-

⁵ Наркирьер 1983: 15.

⁶ Мориак 1996: 59.

⁷ Mauriac 1967(b). См. также: Наркирьер 1983: 20-21; Barré 2009: 226-231.

вому крылу католиков, ибо лили воду не на его мельницу»⁸.

Как он воспринял события в России? Можно сказать, что с позиций думающего и размышляющего христианина. В 1920 г. он заметит: «Эти большевики – живые, думающие существа, с которыми хотелось бы поговорить, поспорить»⁹. Как многие католики, он с интересом наблюдал выход на политическую авансцену новой идеологии, часто получая информацию непосредственно от очевидцев революционных событий. В этом плане следует отметить влияние, которое на него оказала русская религиозная эмиграция, активно сотрудничавшая со многими французскими литературными и политическими газетами и журналами. Благодаря инициативе Н.А. Бердяева и других сформировались своего рода центры притяжения, коими стали встречи в Медоне и Кламаре, «Франко-русская студия» и собрания на улице Висконти в Париже под названием «Союз за истину» («Union pour la vérité»), известные как «декады» в Понтины, которые организовал Поль Дежарден с 1922 г. Последние были посвящены философии культуры и философии политики. Как пишет Л. Ливак, «к 1925 году беседы в Понтины имели необыкновенный результат, во время них Андре Жид спорил с Львом Шестовым, Поль Валери общался с Николаем Бердяевым, Франсуа Мориак обменивался мыслями с Борисом Зайцевым, Роже Мартен опрашивал Ивана Бунина, а у Бориса Шлёцера завязывалась дружба с Шарлем дю Бо»¹⁰.

В 1920-е гг. французские интеллектуалы сталкиваются с массивной культурной и политической пропагандой со стороны Советской России, направленной на формирование положительного образа русской революции и строя. Все это рождает жаркие дискуссии среди французских интеллектуалов (в т.ч. католиков) о реальности опыта советского социализма. Однако в эти годы Ф. Мориак почти не вовлечен в жаркие политические дискуссии, замыкаясь на литературном творчестве и религиозно-философском поиске. Не случайно именно в 1920–1930-е гг. он пишет ряд религиозных произведений: «Бог и Маммона» (1929), «Страдания и счастье христианина» (1931), «Жизнь Иисуса Христа» (1936), в которых отражены мотивы и причины его религиозности.

В сознании писателя рождается и укрепляется образ христианина, который хочет изменить мир и Церковь, не порывая с верой, оставаясь в лоне Церкви. Главное, вернуться к истинной, изначальной вере, изначальному пониманию и сути христианского учения. При этом он критично отзываясь и о тех, кто готов ради построения нового общества порвать с верой. «...Но эти терзания [верующих – Д.Ш.] из-за мимолетного образа, из-за ничтожнейшей мысли сочетались со странным безразличием, мало того, с непониманием, с нежеланием постичь самую суть евангельского учения, проповедующего отказ от богатства, презрение к деньгам, самоотвержение и любовь к неимущим, добровольную

⁸ Мориак 1986.

⁹ Цит. по: Lacouture 1980: 169.

¹⁰ Livak 2004: 110.

бедность – я уж не говорю о жажде справедливости, которая под именем социализма стала угрозой частной собственности, нажитому богатству и потому была объявлена абсолютным злом. ...на дне реторты не останется ни крупинки христианства. Плотские страсти были под запретом, и на их месте расцветала страсть к наживе, которую буржуазное сознание перерядило в добродетель»¹¹, – писал Ф. Мориак. В конечном итоге, в его трактовке кризис веры сочетался с кризисом буржуазного общества. На этот религиозный кризис, вполне естественно, наложилась активная пропаганда идеалов справедливости и равенства со стороны левых.

Увлечение части католиков революционными идеалами переустройства общества ставило серьезную проблему. Мало было заявить о себе как стороннике социальной справедливости и критике буржуазного общества, необходимо было проявить себя в этом деле. В эпоху активной ангажированности интеллектуалов и острой политической борьбы это выглядело как само собой разумеющимся. Ангажированный писатель должен стать по ту или иную сторону баррикад. Такова была логика политической борьбы 1920–1930-х гг.

Для французских католиков эта проблема приобрела драматичное звучание. Официально французская католическая иерархия оставалась консервативной, во многом реакционной. У неё была своя четкая политическая стратегия, соотносящаяся с генеральной линией Ватикана. Любые отклонения от нее вызывали бурные споры и дискуссии, но заканчивались, как правило, наказанием или исключением «диссидентов». Так случилось с «Аксьон франсэз» Ш. Морраса, в деятельности которой Церковь принимала активное участие. Подобное же произошло с рядом католических газет и журналов, осмелившихся выражать иную точку зрения (например, с газетой «Сет» или органом «красных христиан» газетой «Терр нувель»). Мориак, который тоже имел не простые отношения с официальной иерархией, оказался перед трудным выбором, разрешить который он пытался через свое литературное творчество.

Размышляя о революции, вступая периодически в воображаемый диалог с революционерами, Ф. Мориак вместе с тем остается во власти мнения о дикой и разрушительной силе русской революции, о ее негативном влиянии на церковь и веру, причине возникновения инстинктивного страха в религиозной среде за будущее религии и разрушения устоявшихся традиций. На страницах некоторых его произведений разных лет мы находим отголоски этого «великого страха».

В романе «Судьбы» (1928) равновесие провинциальной буржуазной семьи Гарнаков рушится после приезда Робера Лагава из столицы к своей бабке (служанки у Гарнаков)¹². На фоне вспыхнувших страстей, нарушивших умеренную провинциальную жизнь, проступает фигура Пьера Гарнака, которого автор характеризует как социалиста, фанатика и ригориста. При этом Пьер-социалист у Мориака получается в итоге

¹¹ Мориак 1986.

¹² Mauriac 1995.

очень похожим на раскаявшегося и повернувшегося к Богу грешника, и заканчивает он свою богемную и «революционную» жизнь тем, что уходит в монастырь. В повести «Мартышка» (1951), описывающей провинциальную повседневность тех лет (время действия «Мартышки» относится к годам, последовавшим за Первой мировой войной), этот «страх» проступает при выборе нового школьного учителя. Диалог Гийу и его матери типичен для буржуазной католической семьи эпохи: «Скажите, мама, этот учитель красный? – Лусто говорит, просто ужас какой красный». Дилемма состоит в том, доверить или нет обучение сына учителю-коммунисту. Но если брать шире: можно ли вообще доверять людям, верящим в ценности русской революции и коммунизма, раз они уже прочно вошли в нашу политическую жизнь? В той же повести устами Робера Бордаса проводится констатация произошедших перемен: «Классовая борьба – это ведь не просто так, для учебников. Она вторгается в нашу повседневную жизнь, она должна направлять наши поступки». Однако в «Мартышке» «красный учитель», хотя и представлен фанатиком социалистических идей, все же обрисован с большой симпатией. В его доме много книг, царит атмосфера больших дел, которыми он живет. При контакте с ним Гийу преобразается, доверяет, внимает ему. Но в то же время Бодрас не видит души ребенка, поскольку ушел в идеологические абстракции, идеи классовой борьбы и т.п. Классовая борьба оказывается несочетимой с чувствами ребенка¹³.

В романе «Дорога в никуда» (1939), посвященном краху еще одной буржуазной семьи, Мориак выводит крайне важную для католиков альтернативу. На фоне крушения привычного мира и надежд существует выбор – «революция или бог». Но главный герой Пьер Костадо говорит, что из этого выбора «нам не вырваться». Для Мориака всякая революционная социальная система порочна, а сущность человека греховна. Устами Ландена он отмечает: «Зачем говорить о каких-то преобразованиях, о революции? Все это ни к чему не приведет, голод и жажда справедливости столкнутся с голодом и жаждой иного рода, с самыми гнусными вожделениями»¹⁴. Но как в одном сознании примирить веру и революцию? Как сделать так, чтобы социальная революция не сползла в «воинствующее безбожие»? «Иногда я представляю себе, – напишет он позднее, – какие мысли приходят в голову советскому юноше, когда он вспоминает вдруг церковь, куда бабушка водила его тайком, когда он был маленьким. А может быть он, став взрослым, зашел туда как-нибудь из любопытства и всматривался в горящие в полумраке свечи, вдыхал запах ладана, слушал пение так, как это делает этнограф, внимательно наблюдающий заклинания негритянского колдуна и ритуальные племенные танцы. Какую жалость, какое презрение должны были возбуждать в нем и тихий шепот молитв и жесты молящихся. Значит существуют еще бедняги, которые не знают, что никаких тайн больше нет?

¹³ Мориак 2002. Т. 3.

¹⁴ Мориак 2002. Т. 2.

Я не раз думал, что если бы этот, выдуманный мною, молодой марксист спросил меня, как лучше определить животное еще не совсем исчезнувшего, но, по его мнению, вымирающего вида, которое называется христианином, я бы ответил ему, что христианин – это в основном человек, который не принимает тайну, не соглашается принять ту тайну, которую как раз он-то, материалист, принял; и не только принял, но и признал ее запретной зоной, куда воспрещен доступ философам и ученым»¹⁵. Однако, несмотря на попытку постичь сущность коммунистической революции, Мориак остается глубоко верующим католиком, верным правой католической культуре.

В следующее десятилетие Ф. Мориак вступает уже вполне зрелым и известным писателем. В 1932 г. он становится председателем Общества писателей. В 1933 г. его избирают во Французскую Академию.

Первая половина 1930-х гг. отмечена подъемом правых во Франции, популярностью фашистских партий и движений, критикой республики и ее институтов. С течением времени этот «дух тридцатых годов» станет причиной разделения французского политического класса в отношении к Народному фронту, источником присоединения некоторых интеллектуалов к Виши и коллаборационизму. Антикоммунизм и антифашизм становятся главными аспектами политических обязательств на фоне усугубления внутренних проблем страны, раскола интеллектуального сообщества, «вступившего в зону исторической турбулентности»¹⁶.

В 1930–1935 гг. Мориак справа, консерватор и конформист. Он направляется в Рим в январе 1935 г., где встречается не только с папой Пием XI, но и с Б. Муссолини, харизматичный диктаторский режим которого впечатляет его («продолжатель дела императоров и пап») ¹⁷. Он хорошо отзывался о П. Лавале, который вел переговоры с Италией. Но когда Италия нападает на Эфиопию, он испытывает неловкость и неуверенность перед лицом критики этой агрессии и реакции международного сообщества¹⁸. 17 октября 1935 г., в разгар конфликта газета «Об» опубликовала манифест, подписанный, в частности, Ж. Маритеном, Ф. Мориаком, Ф. Жаммом, в котором утверждалось, что «душа и жизнь черного человека столь же священны, как душа и жизнь белого»¹⁹.

Ф. Мориак, при своей критичности, все же тогда встает на защиту буржуазии, не принимая нападков на нее левых интеллектуалов. В марте 1933 г. он иронично пишет в «Эко де Пари», обращаясь к ним: «Французская буржуазия была горнилом, в котором создавался гений нашего крестьянского и рабочего народа (...) Эти непокорные, Бодлер, Рембо, существовали лишь в зависимости от этой буржуазии, от которой они отрекались, но детьми которой они были... Эта революция, о которой

¹⁵ Мориак 1996: 22.

¹⁶ Ory, Sirinelli 2004: 143.

¹⁷ Mauriac 1935(a).

¹⁸ См.: Mauriac 1935(c).

¹⁹ Цит. по: Lacouture 1980: 314.

вы только и говорите, кто ее будет делать? Не вы, и вы это хорошо знаете. Среди тысяч случайных комбинаций наименее вероятной является присутствие нашего дорогого Жака Маритена во главе будущих народных комиссаров»²⁰.

1935–1936 гг. стали в политическом плане важными для Мориака. С одной стороны, он остается в стороне от демаршей и манифестаций левой интеллигенции и не участвует, например, в международном конгрессе писателей в защиту культуры, который прошел в Париже в июне 1935 г., равно как он не присоединяется к Комитету бдительности антифашистской интеллигенции, созданному в марте 1936 г. С другой стороны, он держится в стороне и от напора консервативных и фашистских движений, пик которых пришелся на события 6 февраля 1936 года.

Он продолжает активно защищать католические ценности, полемизируя, в частности, с А. Жидом, совершившим путешествие в СССР. Именно через полемику Ф. Мориака с А. Жидом можно проследить и его отношение к советскому опыту. По приезду А. Жид апологетично провозгласил: «Вот что может дать государство без религии, общество без семьи. Религия и семья являются двумя злейшими врагами прогресса»²¹. Ф. Мориак ему ответил: восхищающиеся советским строем и коммунизмом «утверждают, что их влечет к коммунизму то, что он символизирует прогресс, символ веры, который в их глазах не терпит обсуждения». И он по этому поводу иронизировал: «Итак, само собой мы не можем в этом сомневаться: 1) что человечество прогрессирует, и 2) что этот прогресс проявляется исключительно в большевизме». Но далее ирония заканчивается, и Мориак серьезным тоном возражает Жиду: «Религия и семья: внутренний прогресс нигде не найдет лучшей помощи... Бесполезно доказывать этому неопиту, что большевистская диктатура является одной из самых подавляющих, которые когда-либо испытывало человечество: какое значение для него имеют внешние принуждения? Единственное препятствие, которого он боится, этого морального закона, который вопреки нам самим укрепляют религия и семья, и который он считает наконец побежденным; не слишком дорогая победа!.. Внутренний прогресс, согласно Христу, материальный прогресс, согласно марксизму, мы снова возвращаемся к двум воздвигнутым зданиям, одному против другого до скончания века. Я верю в могущество того, кто кажется более слабым. Я думаю о солдатах Красной армии... во время сна упрямо крестящихся...»²². Таким образом, им ставится вопрос о вечности веры и христианства и преходящем советском опыте, который основывается на принуждении.

Продолжая полемику с Жидом и намекая на его субъективные мо-

²⁰ Mauriac 1933.

²¹ Winock 1999: 277.

²² Mauriac 1932. Впоследствии он также напишет: «Один атеист говорил мне, что его больше всего поразили в Москве церкви, переполненные молящимися» // Мориак 1996: 58.

тивы, он пишет в газете «Сет» («Sept») статью «Писатель перед лицом Советов»: «Не социальная революция в России, а моральная революция, которая его главным образом прельщает. Он охотно признает, что чтение Маркса ему кажется обременительным. То, что его в сущности интересует в Москве, это упразднение религии и семьи, это создание новой этики, нового человека, мира, наконец, в котором, чтобы отличить добро от зла прибегают к критериям сильно отличающимся от христианских принципов, от имени которых Жид с детства чувствовал себя осуждаемым»²³.

Политическая борьба для Мориака соотносится с защитой христианских ценностей, с христианской надеждой на мир и справедливость. В этот момент проявляется черта его христианской ангажированности – придерживаться заветов Евангелия, но не жертвуя своими убеждениями ради интересов политической власти. Тем не менее, водоворот политических событий затягивает и его: провозглашение республики в Испании, приход к власти в Германии национал-социалистов, строительство социализма в СССР, победа во Франции на выборах Народного фронта.

В апреле 1936 г. лидер французской компартии М. Торез заявил, что коммунисты готовы протянуть руку католикам во имя солидарности перед угрозой фашизма²⁴. В мае Ф. Мориак пишет в «Фигаро» статью «Протянутая рука» как ответ католиков на призыв коммунистов к сотрудничеству, назвав призыв Тореза «электоральным маневром». Он отмечает, что «коммунизм не противостоит христианству по тому или иному пункту; они являются несводимыми один к другому; первый основывается на руинах второго. Марксизм может водвориться лишь в безбожном обществе. Борьба против Бога приняла в России официальный характер». Отсюда постановка вопроса, ставшая актуальной на долгие годы: имеют ли католики моральное право сотрудничать с противоестественным режимом, который разрушает человеческую личность и ее связь с Богом? «Имеем ли мы право сотрудничать с царством противника – противника, для которого существует необходимость разрушить в человеке его подобие Богу, чтобы воссоздать его в другом образе и с другим подобием?»²⁵ – задается вопросом Мориак. И добавляет: «Коммунизм, как и гитлеризм, ненавидит всякую духовную жизнь, которая ускользает из его трофеев». Логика Мориака была проста: марксистско-ленинская идеология разрушила христианскую Россию, доктрина Маркса упростила коммунистическую идею, а тоталитарный режим стал ее преступно эксплуатировать. Поскольку французские коммунисты – «партия Москвы», то они являются проводниками тоталитаризма во Франции, действуя теми же методами, что и их советские руководители. Следовательно, ни о каком сотрудничестве на данном этапе

²³ Mauriac 1935(b).

²⁴ Thorez 1936.

²⁵ Mauriac 1936(a).

речи быть не может.

Спустя много лет он по-прежнему будет указывать на антирелигиозную сущность советского строя: «Вне Церкви массы марксистов стремятся уничтожить все христианское, ибо больше всего в мире они его ненавидят и считают его своим основным врагом»²⁶. Но при этом он испытывает нечто вроде скрытой симпатии к простым заблудшим людям, отмечая в дневнике: «Ко мне приходили студенты-коммунисты. Испытываю большую симпатию. Они напомнили мне молодых викариев, которые у меня часто бывают: с ними я чувствую те же угрызения совести – мне не хочется их слушать и тревожить. В католическом государстве коммунизм – не последняя ересь»²⁷. В другом случае он отметит: «В церкви, как и в партии коммунистов, состоит множество мертвых душ. Но среди живых с обеих сторон существует тайная связь»²⁸.

Отвергая сотрудничество с коммунистами, Мориак держится настороженно и с правыми. Так, он не подписывает «Манифест в защиту Запада», который был инициирован А. Массисом и опубликован газетой «Тан» («Le Temps») 2 октября 1935 г. Но с лета 1936 г. под влиянием событий в Испании позиция Мориака эволюционирует. Хотя и здесь он колеблется²⁹. 2 августа 1936 г. он пишет в «Фигаро» статью «Ответ Торквемады», в которой оправдывает фалангистов, воевавших «за Христа и Короля», тогда как республиканцы воевали «за Сталина»: «Если бы мятежные войска защищали бы только привилегии, как у вас хватает смелости утверждать, они были бы давно побеждены. Во имя веры каждый испанец встает под свое знамя. Благородней умереть за Христа или Короля, нежели умирать за Сталина». Здесь же он пишет о перспективе идеологического соперничества католицизма и марксизма³⁰.

Но спустя несколько дней его позиция меняется. Если П. Клодель еще вдохновлен Франко, публикуя апологию под названием «Испанским мученикам» («Aux Martyrs Espagnols»), то Мориак разочарован. Он критикует Клоделя, который «открыл врата рая» только убитым в Испании франкистам, сочтя республиканцев недостойными его. «Начиная с 1936 года я открыто выступаю против Франко. Я становлюсь в Париже президентом Общества друзей басков, а позже возглавляю Аншлюс, оказывающий помощь беженцам из Австрии (почти сплошь евреям). Для меня, как и для Маритена, как и для Бернаноса, главное – уберечь церковь от пагубного компромисса. Я сотрудничаю в левых католических еженедельниках «Сет» и «Тан презан»³¹, – пишет он. Таким образом, гражданская война в Испании стала для него своего рода концом долгого политического этапа, начавшегося с вступления в «Сийон», и

²⁶ Мориак 1996: 58.

²⁷ Mauriac 1993. Т. III:5.

²⁸ Mauriac 1993. Т. II: 64.

²⁹ Winock 1999: 370.

³⁰ Mauriac 1936(b).

³¹ Мориак 1986.

отправной точкой, которая приведет его в ряды Соппротивления. Мориак воспринял войну в Испании как ключевое событие, инициировавшее его ангажированность, одновременно переломный момент и начало нового этапа: «Это было в эпоху гражданской войны в Испании... я встал на путь, с которого больше не сворачивал»³².

После того как стали известны ужасные факты зверств, творимых обеими противоборствующими сторонами (резни в Бадахосе, бомбардировки Герники и др.), Мориак, казалось бы, встал на «правильную» сторону: «Даже в ужасе гражданской войны человек знает, что он может отдать свою жизнь за то, что он считает правдой, за то, что он может защищать правду – свою правду – с оружием в руках. Но он также знает, что массовые казни побежденных, что истребление противника – то, что было законом до Христа, – представляет собой самый отвратительный триумф, какой сила тьмы имеет в этом мире»³³. Ф. Мориак в эти месяцы обращается к проблеме человеческого достоинства, которую он трактует через свой личный опыт, через свое прочтение Евангелия, Монтеня и Паскаля. По этой причине он не принимает и критикует расизм или держит дистанцию в отношении Народного фронта. Он хочет в этих бурных и неоднозначных событиях сохранить свою независимость («душа, которая не принадлежит никому»).

8 мая 1937 года в католической газете «Круа» («La Croix») увидел свет манифест в защиту народа басков³⁴. Ф. Мориак подписывает «Манифест за баскский народ» наряду с Ш. дю Бо, С. Фюме, Ж. Мадолем, Габриэлем Марселем, Ж. Маритеном, Э. Мунье, М. Мерло-Понти и др.³⁵ 28 мая 1937 г. он объясняет свою позицию в газете «Сет». Преступления совершаются с обеих сторон, но: «Нельзя допустить, чтобы однажды, когда баскский народ пробудится от своего кошмара, он смог бы засвидетельствовать, что только смертельные враги церкви пришли ему на помощь; нельзя также допустить, чтобы в его глазах священник, лицемер, которые проходят, не повернув головы, были католиками, ни заставить его верить в доброго самаритянина, на турбане которого он увидит серп и молот». Кто упрекнет басков? Отныне невозможно для него верить в справедливый конфликт, противопоставляющий христиан Антихристу, как испанские священники называли народный фронт³⁶.

В июне 1937 г. Мориак публикует статьи против насилия. Он обличает эксцессы национализма, прикрывающиеся христианскими лозунгами, и упрекает испанскую Церковь, которая пошла на сделку с совестью, вступив в союз с диктатором Франко, «безразличие братьев-католиков»³⁷. В июне 1938 г. он аргументирует в «Фигаро»: «То, что

³² Mauriac 1993. Т. III: 474.

³³ Mauriac 1936(c).

³⁴ Lacouture 1980: 326. Winock 1999: 373.

³⁵ Pour le peuple basque 1937.

³⁶ Winock 1999: 373.

³⁷ Mauriac 1937.

определяет нашу позицию, была претензия испанских генералов вести священную войну, крестовый поход, быть солдатами Христа. (...) Святотатства и преступления, совершенные вооруженной и яростной толпой на следующий день после подавленного военного мятежа, являются нестерпимым кошмаром. Скажем только, что убийства, совершенные маврами, которые прикалывают святое сердце к своим бурнусам, что систематические чистки, трупы женщин и детей, лежащие после немецких и итальянских летчиков, находящихся на службе главы католиков, который называет себя солдатом Христа, стали чем-то похожим на ужас...»³⁸. Мориак не может больше смешивать христианство и фашизм. Поэтому, когда придет известие об окончательной победе Франко он отметит, что «военные мятежники одержали верх лишь благодаря поддержке итальянского фашизма и германского расизма»³⁹. В Париже он делал все возможное для оказания помощи испанским беженцам. Вместе с Эдуардом Эррио, председателем Палаты депутатов, кардиналом Вердье, архиепископом парижским, он принимал деятельное участие в создании Международной лиги друзей басков и стал впоследствии ее председателем⁴⁰.

Разрыв с правыми вызвал ответную критику, но также сожаление и надежду на его возвращение обратно. Р. Бразийяк так и подпишет ему свою книгу о войне в Испании: «сбившемуся с пути Ф.М.». В статье под заглавием «Критический возраст г-на Мориака» (опубликована в листке «Je suis partout») едко говорилось: «Хотелось бы пожелать г-ну Мориаку мирного возвращения домой, приятного воскресного чтения, душевного покоя и посоветовать ему потихоньку ожидать старости»⁴¹.

Гражданская война в Испании во многом определила позицию Мориака в его отношении к СССР и коммунизму. Еще зимой 1939 г. он писал, что Франция «никогда не будет связана с Москвой против Берлина и Рима, а также с Берлином и Римом против Москвы. Всегда сражающаяся на виду, она ежеминутно одерживает победу, заставляя колебаться убийц, которые бродят вокруг свободных наций, дочерей Бога»⁴². Но разгром Франции, установление режима Виши изменили ситуацию. После короткого периода симпатий к Петену, Мориак безоговорочно стал на сторону Сопротивления, осознавая жертву, которую приносит русский народ на алтарь победы. Это дало ему повод написать, что советский народ, как и британский, никогда не будет для французов «чужим», что, не благодаря истории Советской России, а «благодаря Гоголю, Тургеневу, Толстому, Достоевскому, Чехову и Горькому открылось нам сердце Святой России». «Когда в эти мрачные зимы мы слушали по радио великолепный ансамбль русских солдат, мы прекрасно понимали,

³⁸ Mauriac 1938.

³⁹ Mauriac 1967(a): 96-97.

⁴⁰ Наркирьер 1983: 63-64.

⁴¹ Там же: 64.

⁴² Mauriac 1939.

что их пение пришло к нам из глубины веков». И далее: «Мы верим в вечную Россию, не зависящую от исторических явлений и не определяемую ими. Именно к ней обращаем мы взоры в этот славный момент ее истории, когда она ценою невыразимых страданий и героических подвигов приобрела право говорить с Европой во весь голос»⁴³.

Таким образом, к моменту начала Второй мировой войны политическая ангажированность Мориака выглядит сформировавшейся. «Для христианина нет другой дозволенной политики, кроме стремления к Царству Божию и правде Его. Но в то же время ему не дозволено равнодушное отношение к конфликтам, разделяющим его братьев. Он должен быть и выше борьбы, и, вместе с тем, в ее огне»,⁴⁴ – напишет он позднее, но эти слова вполне можно соотнести с его действиями в ту эпоху. Все это толкает его к весьма умеренному антикоммунизму (больше в вопросе противостояния веры и материализма, нежели в реальной политике, хотя он и не готов тогда к сотрудничеству с французскими коммунистами), побуждает к пересмотру своей позиции в годы войны в Испании (от веры в Франко и испанскую Церковь до осуждения репрессий и террора). С началом войны Ф. Мориак – одна из важных фигур католического Сопротивления с его симпатиями к делу генерала де Голля и той борьбе, которую ведет Советский Союз с фашизмом.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреев Л.Г. Чистилище Франсуа Мориака // Мориак Ф. Романы. М., 1972. С. 5-21 [Andreyev L.G. Chistilishche Fransua Moriaka // Moriak F. Romany. M., 1972. S. 5-21]
- Кирнозе З.И. Франсуа Мориак. М.: Высшая школа, 1970. 80 с. [Kirnoze Z.I. Fransua Moriak. M.: Vysshaya shkola, 1970. 80 s.]
- Ландор М. Тревожные вопросы Франсуа Мориака // Вопросы литературы. 1996. № 3. С. 206-218 [Landor M. Trevozhnyye voprosy Fransua Moriaka // Voprosy literatury. 1996. № 3. S. 206-218]
- Мориак Ф. Не покоряться ночи... Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1986. – 429 с. [Moriak F. Ne pokoryat'sya nochi... Khudozhestvennaya publitsistika. M.: Progress, 1986. 429 s.]
- Мориак Ф. Во что я верю. Киев: ДЛ., 1996. 139 с. [Moriak F. Vo chto ya veruyu. Kiyev: D.L., 1996. 139 s.]
- Мориак Ф. Собрание сочинений в 3 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2002. [Moriak F. Sbraniye sochineniy v 3 t. M.: Terra – Knizhnyy klub, 2002.]
- Наркирьер Ф. Франсуа Мориак. М.: Худож. лит., 1983. 230 с. [Narkir'yer F. Fransua Moriak. M.: Khudozh. lit., 1983. 230 s.]
- Сеай А. Мориак. Н. Новгород, 2001. 159 с. [Seay A. Moriak. N. Novgorod, 2001. 159 s.]
- Художественный мир Франсуа Мориака // Вестник Нижегородского лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 9. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Нижний Новгород, 2010. 170 с. [Khudozhestvennyy mir Fransua Moriaka // Vestnik Nizhegorodskogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova. Вып. 9. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Nizhniy Novgorod, 2010. 170 s.]
- Barré J.-L. François Mauriac, biographie intime. 1885–1940. P.: Fayard, 2009. 646 p.
- Cabanis J. Mauriac, le roman et Dieu. P.: Gallimard, 1991. 132 p.
- Calvet J. Le Renouveau catholique dans la littérature contemporaine. P.: Lanore, 1927. 424 p.
- Le Communisme te les chrétiens. P.: Plon, 1937. 264 p.
- Le Gall A. Mauriac politique. P.: L'Harmattan, 2017. 476 p.
- Guissard L. Littérature et pensée chrétienne. P.: Casterman, 1969. 238 p.

⁴³ Mauriac 1944.

⁴⁴ Мориак 1996: 55-56.

- Lacouture J. François Mauriac. P.: Seuil, 1980. 635 p.
- Livak L. La studio franco-russe (1929–1931) // Revue des études slaves. 2004. T. 75. P. 109-123.
- Massenet V. François Mauriac. P.: Flammarion, 2000. 504 p.
- Mauriac F. Bloc-notes. P.: Seuil, 1993. T. I-V.
- Mauriac F. Mémoires politiques. P.: Grasset, 1967(a). 481 p.
- Mauriac F. Mémoires intérieurs. P.: Flammarion, 1959. 261 p.
- Mauriac F. Nouveaux mémoires intérieurs. P.: Flammarion, 1965. 261 p.
- Mauriac F. L'enfant chargé de chaînes; Commencements d'une vie; Bordeaux ou l'Adolescence; Orages; Blaise Pascal et sa sœur Jacqueline; L'affaire Favre-Bull. P.: Levallois-Perret, 1967(b). 412 p.
- Mauriac F. (Euvres autobiographiques. P.: Gallimard, 1990. 1392 p.
- Mauriac F. Destins. P.: Librairie générale française, 1995. 125 p.
- Mauriac F. Les esthètes fascinés // L'Echo de Paris. 1932. 10 sept.
- Mauriac F. Les jeunes bourgeois révolutionnaires // L'Echo de Paris. 1933. 25 mars.
- Mauriac F. Les beaux jours de Rome // Le Journal. 1935(a). 2 janv.
- Mauriac F. Un écrivain devant les Soviets // Sept. 1935(b). 22 mars.
- Mauriac F. Un dessin de Sennep // Le Figaro. 1935(c). 24 sept.
- Mauriac F. La main tendue // Le Figaro. 1936(a). 26 mai.
- Mauriac F. Réponse de Torquemada // Le Figaro. 1936(b). 2 août.
- Mauriac F. Badajoz // Le Figaro. 1936(c). 18 août.
- Mauriac F. Pour le peuple basque // Le Figaro. 1937. 17 juin.
- Mauriac F. Mise au point. À propos des massacres d'Espagne // Le Figaro. 1938. 30 juin
- Mauriac F. La France n'a qu'un visage // Temps présent. 1939. 25 févr.
- Mauriac F. La Russie inconnue // Le Figaro. 1944. 19-20 nov.
- Pour le peuple basque // La Croix. 1937. 8 mai.
- Ory P., Sirinelli J.-F. Les intellectuels en France de l'affaire Dreyfus à nos jours. P.: Perrin, 2004. 435 p.
- Thorez M. Pour une France libre, forte et heureuse // L'Humanité. 1936. 18 avril.
- Winock M. Le siècle des intellectuels. P.: Seuil, 1999. 885 p.

Шмелёв Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Казанский федеральный университет; dmitryShmelev@mail.ru

François Mauriac, Russian revolution and communism

The article analyzes the attitude of François Mauriac to the Russian revolution of 1917, communism, and the Soviet experience of building socialism. At the center of the research is Mauriac's intellectual and political biography between two World Wars. The intellectual path of a famous Catholic writer was first associated with his participation in "Sillon" and his sympathies for "Action Française", but also with acquaintance with Russian literature, comprehension of events in Russia, communism, participation in meetings with Russian religious emigration (for example, decades in Pontigny). Throughout the 1920s and 1930s, François Mauriac, remaining a convinced Catholic, survived evolution from the position of a tough conservative who rejected any cooperation with communism to a writer and publicist who condemned the terror during the Spanish Civil War, who became a member of the Resistance and advocated for cooperation with the USSR in the fight against fascism. The article is based on the materials of the literary work of François Mauriac, his articles in French newspapers, memoirs.

Key words: France, François Mauriac, Catholicism, Russian Revolution, Communism

Dmitry Shmelev, Dr. Sc. (History), Professor, Department of General History, Kazan Federal University; dmitryShmelev@mail.ru